

В. П. ЛУКЬЯНИН,

писатель, литературный критик, сопредседатель Союза
российских писателей, кандидат философских наук

РЕЧЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В последнее время в стране на разных уровнях активно обсуждаются проблемы языка, которым мы пользуемся. Дело в том, что русский язык всегда — по крайней мере, со времен Тургенева — составлял предмет нашей национальной гордости, однако сейчас он (как, впрочем, и все остальное, чем мы еще недавно гордились) приходит в упадок: телевидение и радио терзают слух безграмотными оборотами речи, страницы печатных изданий пестрят грамматическими ошибками, а отфильтрованный столетиями лексический багаж, как питьевой водоем канализационными стоками, засоряется неоправданными заимствованиями из американско-английского языка и той словесной грязью, которую В. И. Даль, чуткий к народному речевому опыту, называл «непристойно мерзкой».

Дискуссии по этим проблемам, как правило, малопродуктивны, поскольку ведутся в рамках представлений, исчерпавших себя еще в советские времена. Я имею в виду, прежде всего, понимание языка как преимущественно средства общения¹, а также привычку решать человеческие проблемы запретительными методами. Дело в том, что, будучи средством общения, язык обладает *избыточностью*, составляющей процентов 60–80 (что нетрудно выяснить с помощью незамысловатого эксперимента). Избыточность — качество чрезвычайно полезное,

¹ Разумеется, вслед за Марксом, который был убежден, что «язык возникает лишь из потребности, из настоящей необходимости общения с другими людьми» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 29).

ибо значительно повышает надежность языка, позволяя преодолевать разные помехи в общении (неточность словоупотребления, косноязычие и т. п.), но, с учетом избыточности, решительно нет оснований возражать против деформаций языка, которые беспокоят хранителей языковых традиций, как нет оснований и для привычных требований к художественному слову, и для оценки тех качеств речи, на которые, в частности, обращал внимание Д. С. Лихачев: «Вернейший способ узнать человека — его умственное развитие, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит»¹. Думаю, что как раз вследствие понимания языка как средства общения в советской школе стали умерщвлять литературную классику, расчлняя живую душу произведений на «идейное содержание» и «художественные особенности».

Конечно, средством общения язык является, но не в большей мере, чем, к примеру, одежда — средством защиты от холода. Стоит сравнить костюм от Кардена с телогрейкой бомжа, чтоб понять, что именно я имею в виду. В одной мадридской газете, выходящей на русском языке, встретилось мне примечательное суждение неопита, который увлекся изучением каталонского языка: «Это готический язык — как собор: массивный, тяжелый и в то же время летящий вверх». Такая характеристика — не игра ума: у любого живого языка есть свои «предметные» особенности, которые ясно ощущаются человеком, не лишенным языкового слуха, и могут быть выражены подобным же образом.

Но все-таки язык сам по себе — лишь материал, обладающий определенной фактурой и пластическими свойствами. А речь (письменная или устная) конкретного человека — это уже, скажем так, готовое изделие, воплотившее в себе, помимо смысловой информации, и свойства материала, и

почерк мастера, и дух эпохи. Именно этим, а уж во вторую очередь заключенным во фразе сообщением, речь привлекает или отвращает, убеждает или вызывает сомнение. Хочу особенно подчеркнуть последнее замечание: его смысл в том, что при непосредственном восприятии речи логика поиска истины вполне успешно заменяется эстетическим впечатлением от высказывания. На этом, кстати, основан эффект «красивой» (в смысле — хорошо сделанной) фразы.

Речевая среда играет в нашей жизни несравненно большую роль, чем принято считать в обиходе. Организованность и стабильность ее порождает ощущение прочности жизненных основ, и знаменитое признание Тургенева о языке: «Ты один мне надежда и опора», — отнюдь не метафора. Ту же опору, несомненно, имела в виду и Ахматова, когда в стихотворении ленинградского цикла «Мужество» возвала сохранить не страну, не город, а язык: «И мы сохраним тебя, русский язык, великое русское слово».

Разрушение жизненных основ начинает ощущаться особенно болезненно, когда оно касается речевой среды. Человек, не расположенный следовать нормам морали и права, распознается прежде всего по манере речи.

Уместны ли запреты в речевой практике? Безусловно — в такой же мере, как и запреты на другие крайние проявления дурного воспитания. Однако человек нормально воспитанный не станет, к примеру, бросать на тротуар банки из-под пива и ломать садовые скамейки не потому, что боится штрафа, а потому, что жить в чистом, ухоженном мире ему приятней.

Научить хорошо пользоваться языком, получать наслаждение от хорошего языка, от здоровой и чистой речевой среды — вот, на мой взгляд, главный смысл преподавания литературы в школе.

¹ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 410.